

Особенности трансформации национального приграничного региона в условиях глобализации

Приводится сравнительный анализ трансформации сложных демографических, социально-экономических процессов, происходящих в Бурятии в 90-е и 2000-е годы. Реформы 90-х, следствием которых становится тяжелое депрессивное состояние региона, сменяются инновациями 2000-х - инвестиционной активностью в использовании преимуществ региона: близость к границам стран Азии, наличие полезных ископаемых и рекреационных ресурсов Байкала, пользующихся особым спросом на международном рынке. Однако меры целевой поддержки территорий нового промышленного освоения для повышения уровня социально-

экономического развития региона уже недостаточны из-за его отдаленности, низкой освоенности территории и невозможности преодоления последствий сокращения производств, рабочих поселков и населения без коренного изменения всего механизма модернизации.

Ключевые слова: регион, инновации, модернизация, страны Азии, освоение, промышленность, социокультурные процессы, депрессивность, этнос

Галина Манзанова

Российский Институт Культурологии
gmanz1@rambler.ru (Москва)

Методологической основой выполненного нами исследования является предложенный исследователями ЦИСИ ИФ РАН Н.И.Лапиным и Л.А.Беляевой подход: регион рассматривается как "территориальное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов — жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов" [1, с. 126]. Социокультурный анализ позволяет лучше выявить факторы, обусловившие резкую поляризацию регионов России за годы реформ и объяснить особенности трансформации регионов, имеющих различные природно-климатические, геополитические, социально-экономические условия своего развития.

Так, в центральных регионах России, в силу особенностей своего геополитического положения, обладающих более благоприятными для населения природно-климатическими и социально-экономическими условиями развития и возможностями доступа к социально значимым услугам, передовым технологиям и инновациям, более лучшие условия среды мотивировали население к выбору инновационных сфер развития экономики. Развитие инновационных бизнес-структур, многоотраслевых корпораций, в свою очередь, привело к увеличению поступлений в местные бюджеты, общему повышению эффективности социального развития центральных регионов и миграционному притоку населения из менее развитых регионов. Напротив, в отдаленных восточных территориях, обладающих менее благоприятными для проживания населения природно-климатическими условиями, где слабо развита инфраструктура транспорта и связи и недостаточен доступ к инновациям и качественным социальным услугам, условия среды мотивировали население к возрождению практик патриархального семейного хозяйствования, что в свою очередь привело к натурализации экономики, сокращению доходов бюджетов, углублению депрессивности этих регионов и миграционному оттоку наиболее активного населения. Это приводит к стягиванию более активных групп населения и инфраструктуры в более перспективные для жизнедеятельности территории. В результате в отдельных регионах и территориях, отличающихся более высоким уровнем социально-экономического развития, создаются так называемые "полосы роста". Это в свою очередь приводит к еще большему углублению депрессивности отдаленных районов РФ и разреженности, оголению социального пространства и, что особенно опасно, приграничных территорий. И это особенно видно на примере трансформации населения депрессивного национального региона — Республики Бурятия (РБ).

Глубинно-периферийное расположение региона, находяще-

гося на расстоянии более 5600 километров от Центра, на границе с Монголией и Внутренней Монголией (провинции Китая) и отдаленность поселений и городов, расстояние между которыми в некоторых районах РБ составляет более 300 километров, обуславливает низкую доступность и плохое качество социальных услуг. В силу сырьевой направленности экономического развития и высокой доли отраслей оборонного комплекса высвобождение кадров с предприятий, оказавшихся в ходе реформ Гайдара в затянувшемся глубоком кризисе, в 90-е годы было более значительным, чем в регионах Сибирского Федерального округа и в целом по России. Это в свою очередь обусловило высокую долю безработицы и продолжительный миграционный отток населения из региона. Следствием безработицы и низкой заработной платы в силу кризисного состояния предприятий явился повышенный уровень бедности. Недостаточность финансирования отраслей социальной сферы, в силу низкого уровня налогооблагаемой базы предприятий региона, обусловили повышенную дотационность региона и полную зависимость от Центра. Уровень дотационности за годы трансформации повысился с 58% в 1992 г. до 68% в 2006 г. и 70% в 2011 г. Из-за повышенного уровня бедности, высокой доли безработицы значительная часть населения оказалась люмпенизирована, следствием этого стало пьянство и плохое состояние здоровья, которое усугубилось низким уровнем доступности и качества социальных услуг, особенно в малых городах и селах. В 2008-2011 годы для вывода экономики республики из кризисного состояния применялись меры прямой адресной поддержки территорий, имеющих важное геополитическое положение (близость границ стран Азии) и необходимое природное наследие — наличие полезных ископаемых (полиметаллы, золото, уголь, энергетика) и рекреационных ресурсов озера Байкал для выхода на международные рынки.

Согласно методологическому подходу, развиваемому Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой применительно к анализу последствий трансформации регионов, развитие регионального сообщества происходит в результате трансформации двух полюсов: "один полюс образуют типологические характеристики личности, которые позволяют социальным акторам действовать в данном регионе успешно или неуспешно — для себя и для региона; другим полюсом служит социокультурный статус/престиж, рейтинг данного региона по сравнению с соседними и иными регионами страны, функции/дисфункции этого региона по отношению к жителям этого региона и в целом к российскому сообществу" [1, с. 131]. Низкий рейтинг региона Республики Бурятия на шкале развития означал контрастное, разбалансированное удовлетворение потребностей индивидов, организаций и социальных

групп, принадлежащих к данному региону, его слабую способность отвечать на вызовы глобализации. Такое состояние можно рассматривать как свидетельство неэффективности властно — регулирующей функции данного региона, его институтов и органов управления, спонтанных процессов самоорганизации. При таком состоянии функциональные несоответствия указывают на стагнацию деградации, а соответствия — на стагнацию основных процессов. Наша гипотеза состоит в том, что соотношение функций данного национального региона скорее эволюционирует в рамках цикла стагнации. Это означает, что наличие контрастов в соотношении его социальных функций может вызвать такое углубление кризиса, которое позволяет заинтересованным субъектам изменить вектор его траектории в направлении цикла развития. И в том, что в последние годы, начиная с 2002 года, траектория социально-экономического развития Республики Бурятия перешла из цикла стагнации в более перспективный цикл развития свидетельствует положительная динамика показателей социально-экономического развития, доходов и средней заработной платы населения. Попытаемся проверить эту гипотезу и на ее основе сделать прогноз возможных траекторий дальнейшего развития в условиях глобализации, с целью оценки проводимых Правительством адресных мер прямой инвестиционной поддержки особо значимых территорий. Для этого сделаем попытку анализа влияния факторов, обусловивших депрессивность региона в переходный период и его начавшийся выход из состояния стагнации в последние годы, на основе сравнительного анализа трендов, характеризующие динамику показателей демографического и социально-экономического развития республики Бурятия в 1990-2000-е годы и в последующее десятилетие.

Тенденции демографического развития

За годы переходного периода численность населения РБ сократилась на 85 тысяч человек или на 9%. Основным фактором снижения численности населения явилось резкое уменьшение естественного прироста населения, которое особенно показательно на уровне Сибирского Федерального округа и России в целом. Так, если в 80-е годы уровень естественного прироста был значительно выше аналогичных показателей по СФО и РФ за счет традиционно высоких показателей рождаемости среди бурятского населения, то за годы переходного периода РБ почти утратила свои преимущества в этой сфере. С 1995 г. в регионе в результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации началось резкое снижение уровня рождаемости и увеличение уровня смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте, в силу резкого ухудшения состояния здоровья и снижения ожидаемой общей продолжительности жизни населения (с 65,3 лет в 1998 г. до 60,9 лет в 2005 г., особенно — среди сельских мужчин — до 57 лет в 2005 г.).

Как и в других республиках и автономных округах юга Сибири, рождаемость в Бурятии до середины 90-х годов была устойчиво выше средней по стране. Это было следствием унаследованных исторически традиций многодетности, свойственных сельским бурятским семьям, и соответственно более молодой структурой населения в предыдущие годы. Однако традиции многодетности, возможно, уходят в прошлое, что подтверждается резким сокращением рождаемости в переходный период. В результате по уровню рождаемости РБ постепенно приближается к уровню СФО и РФ. Вследствие принятых в последние годы мер государственного стимулирования рождаемости в республике отмечается увеличение рождаемости до 16,1 в 2007 г., против 11,3 промилле в РФ, в 2011 г. — 16,9 и 12,6 соответственно. Однако имеют ли эти тенденции, как считают демографы, временный характер или вновь в связи с улучшением социально-экономической ситуации происходит постепенный возврат к национальным традициям в этой сфере, покажет время. Как и в целом по РФ, одновременно с ростом рождаемости в РБ до середины 2000-х годов увеличивался и уровень смертности, хотя

из-за омоложенной структуры населения, унаследованной от прошлых периодов развития, он оставался все еще более низким. В результате тенденций последних лет в Бурятии, начиная с 2007 г. наблюдается постепенное снижение уровня смертности, в 2011 его величина в республике составила 12,6 промилле, что меньше, чем в 8 регионах Сибирского федерального округа, против средней по СФО — 13,8 и России — 13,5. Что в свою очередь привело к постепенному увеличению естественного прироста населения, к 2011 г. его величина возросла до 4,3 промилле, против 0,3 — в СФО и 0,9 — в РФ. Следствием стало повышение численности населения в 2011 г. на 11,5 тыс. человек по сравнению с 2007 г. Конечно, тенденции изменения демографической ситуации в значительной степени имеют инерционный характер. Но как они отражаются в дальнейшем на процессах трансформации социально-экономического развития региона очень важно знать для прогностических оценок его изменения в будущем.

Средние показатели по республике не отражают существующих этнических различий: сильной естественной убыли русского населения и более благополучных демографических характеристик бурятского населения, унаследованных от прошлых периодов. Но следствием более высокой рождаемости прошлых десятилетий стал выход на рынок труда значительного по численности поколения бурятской молодежи, особенно сельской. В результате аграрного кризиса и развала социальной сферы села, "достигнутых" в 90-е годы, значительная часть этой молодежи мигрировала в города. Среди сельского населения доля бурят уже в 1989 г. была в 2 раза больше, чем в городах: 35% и 17% соответственно, а теперь село, как, впрочем, и город, становится еще более "бурятским" из-за миграционного оттока и депопуляции русского населения. В результате за годы переходного периода доля бурят среди сельского населения увеличилась на 8%, а среди городского — на 5%. В условиях дефицита рабочих мест выход на рынок значительного числа сельской молодежи усугублял и без того весьма острые проблемы безработицы и бедности в Бурятии. В 90-е-2000-е годы в поисках заработка население было вынуждено задействовать природный потенциал региона и перейти на подсобные промыслы, имеющие сезонный характер: сбор трав и дикоросов, охота, рыбалка, а также дачное и личное подсобное хозяйство. В последние годы ситуация в сельском хозяйстве улучшилась в основном за счет повышения рентабельности мясного животноводства — традиционной сферы занятости сельчан, что сказалось на состоянии рынка труда и постепенном, начиная с 2007 года, снижении интенсивности миграционного оттока из села, который все еще остается значительным.

Динамика миграционного передвижения населения. Передвижения населения внутри региона занимают наибольшую долю среди всех миграционных передвижений. Это убыль сельского населения преимущественно в столицу РБ, возросшая с 49,7 в 1990 до 59,4% в 2005 г., и приток в город, выросший с 50,6 в 1990 до 72,9% в 2005 г. При этом интенсивность миграционного прибытия преимущественно сельского населения в город значительно превышает средние показатели по СФО и России в целом: 73% против 62% и 53% соответственно. Вследствие миграционного оттока, особенно молодежи, село стремительно теряет население. И в дальнейшем, если ситуация на селе коренным образом не изменится, эти процессы возможно будут нарастать, в силу резкого сокращения рождаемости в 90-е-2000-е годы, ухудшения состояния здоровья из-за пьянства, алкоголизма и все еще повышенной смертности сельских жителей.

Продолжение процесса концентрации населения в г. Улан-Удэ, где уже проживает 56% населения республики при низком уровне заселенности и освоенности территории Забайкалья, создает значительные проблемы в освоении природных ресурсов региона и дальнейшем его развитии. Вследствие закрытия в 90-е годы ряда производств и кризиса градообразующих предприятий суммарный миграционный отток населения, преиму-

щественно русской национальности в соседние Иркутскую и Новосибирскую области, Красноярский край составил за 90-е годы примерно 40-50 тысяч человек (для сравнения: общая численность населения столицы РБ г. Улан-Удэ — 400,1 тыс. чел). Наибольший пик миграционного выбытия населения пришелся на 2000-2001 гг., в связи с сворачиванием "стройки века" (БАМ) на Бурятском участке. В последние годы интенсивность миграционного движения населения, как отток за пределы региона, так и прибытие населения из других регионов России и республик СНГ, стали постепенно ослабевать, с 56,1 % — в 2006 г. до 52,1 % — в 2011 г. Стабилизация миграционного передвижения населения в 2006-2011-е годы случилась не столько из-за улучшения социально-экономической ситуации в республике, а сколько потому, что основная часть миграционно настроенного населения в 90-е и до завершения переходного периода в начале 2000-х годов, уже успела выехать из региона. А переехали в регион в основном жители северных городов и поселков и русское население стран СНГ, где переход экономики на новые рельсы в этот период уже завершился. Но является ли тенденция к ослабеванию межрегиональной активности населения, происшедшая в середине 2000-х годов, переломной и будет ли она устойчива в дальнейшем, очень важно знать для развития этого региона в будущем. С 2008 года в республике действует межведомственная рабочая группа по решению вопросов молодежной возвратной миграции. При поддержке землячества в регионах Российской Федерации: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске реализуется проект по созданию координационной сети по поддержке возвратной миграции в Республику Бурятия, особенно студентов ВУЗов. Но результативность этих мер в значительной степени зависит от динамики изменения сферы занятости и рынка труда, которые в свою очередь определяются трендами развития отраслей экономики и социальной сферы и политикой государства.

Трансформация структуры занятости

Тенденции изменения структуры занятости населения региона в 90-е -2000-е годы схожи с общероссийскими: снижение доли занятых в промышленности и строительстве при росте занятости в сфере услуг и относительно стабильной занятости в аграрном секторе. Однако в Бурятии уровень занятости населения был подвержен более сильным колебаниям, вследствие действия факторов, унаследованных с 90-х годов. Кризисный спад занятости в РБ был в 1998 г. более значительным по сравнению с СФО и Россией в целом — до 45%, вследствие действия факторов, унаследованных от предшествующего периода: высокой доли отраслей оборонного комплекса, монопрофильности городов и поселков, более резким инвестиционным спадом в 90-е годы, и сворачиванием "стройки века" (БАМ) на Бурятском участке. К тому же в середине 1990-х годов произошло массовое высвобождение рабочей силы из-за остановки крупных горнодобывающих предприятий из-за нерентабельности добычи сырья (Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, Гусиноозерские угольные разрезы и шахты). Вследствие территориальной обособленности региона тяжелая ситуация сложилась в многочисленных монопрофильных поселках севера и юга республики, первые из которых специализируются на лесозаготовке, а вторые — на переработке продукции сельского хозяйства. Роль "накопителя" для высвобождающихся работников из промышленности и строительства, в РБ, как и в других регионах РФ, выполняла торговля, где до дефолта быстрее всего росла занятость, однако возможности развития этой отрасли по сравнению с другими регионами СФО и РФ в целом были ограничены из-за низкого платежеспособного спроса населения. Наиболее интенсивно, чем по СФО и РФ в целом, за 2001-2006-е годы было сокращение занятых в промышленности и сельском хозяйстве — более чем на одну треть, а также в строительстве — более чем на четверть. После кризисных 90-х годов значительное положение в структуре занятости населения республики стали

занимать отрасли, продукция которых имеет преимущественно внутренний спрос: добыча угля и электроэнергетика, машиностроение, пищевая промышленность, и традиционные формы сельского хозяйства в национальных районах: экстенсивное животноводство, а также рыбный, пушной промыслы в Прибайкалье. В постдефолтные 1999-2002 годы занятость в регионе стала более стабильной, однако, начиная с 2002 года, последствия перехода на импортозамещающие производства были исчерпаны, и занятость в отраслях промышленности, сельского хозяйства и строительства стала вновь сокращаться, так и не вернувшись на уровень середины 1990-х. Настораживающим с точки зрения возможностей смягчения в дальнейшем проблем занятости в этом регионе является тот факт, что постепенно возможности, предоставленные дефолтом 1998 г. для развития отечественной промышленности в регионе исчерпываются. И об этом свидетельствует динамика индексов развития основных отраслей промышленного производства РБ: угольной промышленности, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которая после 2002-2003 гг. постепенно идет на спад.

Ориентированы на экспорт отрасли электроэнергетики, в связи с близостью границы с Монголией, куда уходит избыточная электроэнергия, произведенная на Гусиноозерской ГРЭС. Однако экспортный обмен услугами не равноценен: стоимость электроэнергии на внутреннем рынке в Бурятии — 1,25 руб., в то время, как в приграничных территориях Китая — 2,5 руб. Экспортную составляющую имеют также лесная и деревообрабатывающая промышленность: большая часть заготовленного в Бурятии леса и пиломатериалов поставляется в Китай, но этот обмен является также неэквивалентным по сравнению с ценами на внутреннем рынке из-за различных коррупционных схем и откатов. Развитие этих отраслей в дальнейшем затруднено из-за недостаточности материально-технической базы и трудностями в ее обновлении в связи со сложившейся ситуацией в этой сфере. Относительно благоприятная ситуация сложилась в сфере занятости только на авиастроительном предприятии г. Улан-Удэ (вертолеты Ми и истребители МиГ), созданное в советский период вблизи границы с КНР для обеспечения Забайкальского военного округа, производство которого ориентировано преимущественно на экспорт. В течение 2007-2011 гг. за счет модернизации оборудования ОАО "Улан-Удэнский авиационный завод" в 1,6 раз увеличил экспорт товаров (78,6% в общем объеме экспорта), внешнеторговый оборот возрос на 50,0% и составил 903,3 млн. долл. Но из-за миграционного оттока высококвалифицированного населения преимущественно русской национальности в 90-е — годы это предприятие испытывает сильнейший недостаток кадров, особенно специалистов и рабочих высокой квалификации.

В период 2001-2006 гг. по уровню экономического развития Бурятия находилась между "средняками" и наиболее слабыми регионами. Душевой валовой региональный продукт (с корректировкой на стоимость жизни) в республике в 2006 г. составлял всего 56% от среднероссийского, и по этому показателю Бурятия находилась в шестом десятке в списке регионов.

Проводимые в 90-е-2000-е годы "реформы" усугубили предкризисное состояние экономики региона. Значительно ухудшились структура занятости населения в пользу отраслей, ориентированных на внутренний спрос, который ограничен низкой платежеспособностью населения, структура расселения из-за сосредоточения значительной части рабочей силы в столице, что затруднит будущее освоение природных ресурсов региона, структура бюджетных доходов в сторону приобретения все большей зависимости от Центра, что порождает у населения завышенные ожидания, что в свою очередь потребует постоянного внимания Центра к мерам поддержки этой приграничной территории. Каким образом эти базовые риски могли быть преодолены в дальнейшем, и какие меры были предприняты для вывода республики из затянувшегося кризисного состояния

очень важно знать для оценки перспектив развития этого региона в будущем.

Учитывая сложившуюся ситуацию, в 2008-2011 годы Правительство России активно использует преимущества региона в обладании важнейшими стратегическими ресурсами и приближенности территории к границам стран Азии — особенно заинтересованными в потреблении этих видов сырья. С этой целью предпринимаются меры прямой адресной поддержки территорий нового промышленного освоения, унаследованные от советского периода. 2008-2011 годы отличаются от предыдущих периодов высокой инвестиционной активностью: стоимость инвестиций в основной капитал, пересчитанная с учетом индекса цен, увеличивается в регионе за эти годы на 47,8%, против 22,0% в СФО и 12,8% в РФ. В 2011 г. в развитие экономики региона вложено 41 млрд. рублей инвестиций, это на 13,4% (против 11% — в РФ) выше уровня 2010 г. Модернизация отраслей добычи полезных ископаемых осуществляется путем строительства новых мощностей и создания новых рабочих мест, технического перевооружения старых, в соответствии с конъюнктурой мирового рынка. Были предприняты значительные усилия по освоению Сосново-Озерного ГОК, Тугнуйского угольного разреза, Холдинского месторождения урановых руд для поставок на внутренний и мировой рынок, а также использование рекреационных ресурсов Байкала. В связи с изменением мировой конъюнктуры на рынке металлов предпринимались усилия по освоению месторождений крупных полиметаллических, вольфрамомолибденовых руд. В результате в оценках рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов, рассчитанного Центром "Эксперт РА", регион занял более достойное место, поднявшись с 56 места в 2010, до 48 — в 2011 году и вступив в более высокую группу регионов по уровню инвестиционного климата (ЗВ1). В 2011 году на IX Российском региональном конгрессе "Инвестиционный климат: лучшие практики регионов" впервые Республика Бурятия в номинации "Регионы с минимальными частными рисками (экономическими, криминальными, управленческими) заняла почетное 3 место среди 83 субъектов Российской Федерации, поднявшись за год на 29 позиций.

За 2007-2011 гг. индекс промышленного производства региона (с учетом изменения индекса цен) увеличился на 39,5%, против 22% в СФО и 14,8% в РФ, причем рост происходил нарастающими темпами: в 2011 г. по сравнению с 2010г. - на 17,9%, против 11% в СФО и 14,8% в РФ. Основными источниками роста промышленности региона стали отрасли добычи топливно-энергетических полезных ископаемых — 54,0%, других полезных ископаемых — 10,5%. Инвестиции из Центра были направлены на освоение месторождений Хиагдинского уранового поля, к 2011 г. почти в 2 раза по сравнению с 2010 г. увеличился объем добычи урана. А также на строительство горно-обогатительных комбинатов на базе Озерного месторождения полиметаллических руд, Жарчихинского и Орехитканского месторождений молибдена, Ермаковского месторождения бериллия, Инкурского и Холтосонского месторождений вольфрама. В результате создания новых рабочих мест и строительства обустроенных поселков занятость населения увеличилась более чем на 25 тыс. человек.

При этом валовой (внутренний) региональный продукт в расчете на душу населения (с учетом роста стоимости жизни) за 2007-2011 гг. сократился на 2,2%, что свидетельствует о все еще низкой освоенности произведенных инвестиций и вновь созданных мощностей и рабочих мест. Дальнейшее развитие районов нового промышленного освоения требует развития отраслей агропромышленного комплекса, строительства дорог, жилищных объектов и социальной инфраструктуры, то есть необходимо фактически заново освоить территорию после "реформ" 90-х, что в свою очередь требует коренной перестройки хозяйственного механизма модернизации региона и освоения инвестиций.

В целях привлечения средств Инвестиционного фонда Российской Федерации на строительство инфраструктуры для осво-

ения Озерного месторождения полиметаллов, Ермаковского месторождения бериллия, Орехитканского и Жарчихинского месторождений молибдена, Окино-Ключевского месторождения бурого угля осуществлялась доработка и согласование в федеральных органах государственной власти инвестиционного проекта "Комплексное развитие Забайкалья". Для выхода предприятий минерально-сырьевого комплекса на международные рынки проводились презентации инвестиционных проектов в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, в Южной Корее (г. Сеул), на межрегиональной выставке-форуме "Недра Бурятии — 2011", в рамках Дней экономики культуры Республики Бурятия в г. Москве, на 7-м международном горнопромышленном форуме "МАЙНЕКС Россия 2011".

В 2007-2011 гг. в целях использования рекреационных ресурсов оз. Байкал и развития международного туризма, создания новых рабочих мест значительные инвестиционные ресурсы были направлены на развитие туристического кластера "Туризм". Объем инвестиций в основной капитал отрасли увеличились за эти годы в 6,8 раз, в то время как количество прибывших на отдых туристов и объем платных услуг, оказанных населению всего в 2,3 раза. Для большего привлечения туристов и развития отрасли подготовлены предложения Республики Бурятия в проект ФЦП "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011 — 2018 годы". Проекты дальнейшего развития этой отрасли предполагают государственно-частное партнерство с инвестиционными проектами по созданию объектов туристской инфраструктуры: средств размещения, развлекательно-досуговых, спортивных, торговых центров, придорожного сервиса. Можно только надеяться, что эти меры, если они будут реализованы, дадут толчок к развитию других отраслей: агропромышленного комплекса, строительства дорог и поселков, так необходимых для обустройства и привлечения туристов.

В Программах Правительства России по управлению социально-экономическим развитием региона упор сделан на внешние факторы его трансформации, что объясняется в частности, глобализацией и вхождением России в мировой рынок услуг и ресурсов. По мнению известного экономгеографа Н.В. Зубаревич, "глобальная экономика "выбирает" крупнейшие города, регионы с добычей востребованных на мировом рынке ресурсов или с благоприятным географическим положением для развития внешних связей" [2, с.25]. Тем самым подчеркивается объективный характер кластерного подхода к приоритетному развитию региона, обладающего инвестиционными преимуществами, который, в соответствии с позицией этих авторов, в условиях глобализации необходимо применять и в дальнейшем. Но в результате такого избирательного подхода к развитию отдельных территорий более перспективные для жизнедеятельности населения территориальные образования как бы "стягивают на себя" более активные социальные группы населения и инфраструктуру. И этот процесс концентрации населения происходит не только на уровне регионов, но и на уровне поселков и поселений, что приводит к разреженности и оголенности социального пространства и без того слабо заселенного региона. Это, в свою очередь, приводит к нарастанию процесса территориальной изоляции и анклавности развития восточных территорий.

К тому же меры целевого финансирования крупных проектов международного значения для повышения уровня социально-экономического развития региона и привлечения кадров извне вряд ли достаточны из-за отдаленности региона и низкой освоенности территории, оттока из региона квалифицированной рабочей силы в предыдущий период и недостаточно развитой социальной инфраструктуры, необходимой для притока кадров извне. И невозможности преодоления последствий сокращения производств, рабочих поселков и населения в 90-е - 2000-е годы, что было рассмотрено нами ранее.

Динамика регионального рынка труда

Сдвиги в структуре занятости населения в переходный пери-

од обусловили изменения в динамике регионального рынка труда. Для него характерными являются следующие тенденции: повышенный уровень безработицы из-за кризисных явлений в отраслях экономики и относительно низкий уровень экономической активности населения Бурятии (62% в 2007 г. против среднего по РФ — 67,1%) из-за меньшей активности женщин — частично занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, и развития различных форм самозанятости населения (дачное, личное подсобное хозяйство, сбор дикоросов). Развитие архаичных форм самозанятости населения — это следствие кризиса и перехода к патриархальному типу хозяйствования, особенно в районах с монопрофильной структурой хозяйственного комплекса — Закаменском, Джидинском, Еравнинском, где из-за закрытия ряда производств высвобождение кадров было более значительным. Как реакция на ухудшение ситуации на рынке труда снижение уровня экономической активности началось в первой половине 1990-х годов, и было максимальным в 2001 г. — 59% и 2004 г. — 61% после некоторого оживления в экономике. Динамика безработицы в республике совпадает с общероссийской, однако периоды роста и падения были более резкими из-за слабости экономической базы в республике. Начиная с 2002 года уровень безработицы и численность безработных постепенно снижаются: в 2002 году уровень безработицы составлял 15,4%, в 2006 году — 13,4% от численности экономически активного населения РБ. Но на фоне большинства регионов РФ он оставался все еще более высоким: в 2007 г. в Бурятии уровень безработицы был в два раза выше аналогичных показателей по России: 12,9% и 6,1% соответственно. У безработицы в РБ по сравнению с другими регионами РФ преобладает так называемое "мужское лицо", причем наибольшее число безработных приходится на возрастную группу 20-29 лет и 30-39 лет, т.е. в самом активном трудоспособном возрасте. Это свидетельствует о более застойном характере рынка труда с точки зрения возможностей трудоустройства населения и решения проблем занятости в регионе. Однако усилия Правительства РФ по нарастанию инвестиционной активности в отраслях освоения и добычи востребованных на мировом рынке ресурсов, а также развитие туристической отрасли для освоения рекреационных ресурсов оз. Байкал дали свои результаты.

За 2007-2011 годы благодаря реализации программ по стабилизации ситуации на рынке труда и созданию новых рабочих мест в указанных отраслях общая численность безработных граждан снизилась на одну треть, уровень общей безработицы сократился с 12,9% до 9,1% соответственно. И эта тенденция продолжилась в дальнейшем: к концу 2011 г. уровень общей безработицы составил 7,3%, при этом Республика Бурятия в рейтинге регионов Сибирского федерального округа по уровню безработицы поднялась на второе место, уступая лишь Омской области. Значительного улучшения в этой сфере удалось достичь за счет наращивания инвестиционной активности Центра в районах нового промышленного освоения.

Социально-экономическое положение домохозяйств

Сильный спад в экономике в 1990-х гг. привел в действие два фактора нарастания бедности: рост безработицы и снижение уровня оплаты труда. В сочетании с невысокими социальными пособиями это привело к распространению бедности в республике. В самом неблагоприятном 1999 г. в зону бедности попала половина населения, худшие показатели имели только слабо развитые национальные образования юга Восточной Сибири и депрессивная Читинская область. Как и во всех российских регионах, в Бурятии велики внутрирегиональные различия в уровне денежных доходов населения. Бедность локализована в большей мере в аграрных южных и северных лесозаготовительных (без золотодобычи) районах республики, где она имеет застойный характер из-за натурализации хозяйств, усиления роли личного подсобного хозяйства в бюджетах как сельских, так и городских домохозяйств. В постдефолтный период (1999-2002 гг.)

по темпам роста душевых доходов населения республика "пригрызала" беднейшим регионам (Тыве, Читинской области, Агинский Бурятский АО), получившим наибольшие объемы федеральной помощи. Начиная с 2002 года, в годы так называемого экономического подъема уровень реальных располагаемых денежных доходов населения за 5 лет вырос в 1,6 раза, среднемесячная заработная плата — в 2,4 раза. Доля населения с доходами ниже прожиточного уровня сократилась с 37,2% в 2002 году до 29,7% в 2006 году. За 2007-2011 годы в результате принятых мер по наращиванию инвестиционного потенциала региона этот показатель сократился на 22%, вплотную приблизившись к уровню СФО. Денежные доходы населения (с учетом роста стоимости жизни) увеличились в регионе на 19,5%, против 13,2% по СФО и 15,4% по РФ, средняя заработная плата возросла на 23,4%, достигнув величины 20,6 тыс.руб. и постепенно приближаясь к уровню СФО и РФ в основном за счет роста оплаты труда в отраслях добычи полезных ископаемых и финансовой сфере.

Однако состояние большинства промышленных предприятий города Улан-Удэ все еще остается проблемным, поэтому заработная плата занятых здесь невелика, за исключением предприятий отраслей переработки горнодобывающей промышленности. А преимущества центральных функций (управление, концентрация финансовых потоков) способствуют развитию теневых доходов, не поддающихся официальному учету. Начиная с 2001 г. крупный капитал пришел в целлюлозно-бумажную промышленность Бурятии (Селенгинский ЦКК с 2001 г. принадлежит группе "Базовый элемент") и в "оплот" бурятской экономики — добычу золота (с 2009 г. "Северсталь" владеет контрольным пакетом акций ОАО "Бурятзолото", вошедшего в один из дивизионов компании "Северсталь-Ресурс").

Одновременно с 2001 г. в столице РБ начался бурный рост финансовых и банковских структур, где уровень заработной платы и доходов в разы превышает заработную плату и доходы работников других отраслей экономики. Поэтому значительный рост показателей в этой сфере в последние годы достигнут за счет аккумуляции доходов в финансовых и банковских структурах и инвестиционной сфере. А рост средней заработной платы и уровня доходов в регионе характеризует лишь рост "средней температуры по больнице". При этом средняя зарплата работников сельского хозяйства в два с лишним раза ниже прожиточного минимума, она составляет всего четверть от средней по экономике Бурятии, хотя в целом по стране заработки в агросекторе составляют 40% от средней зарплаты (данные 2009 г. по ОКОНХ). То есть положительная динамика показателей доходов и средней заработной платы населения свидетельствует не о прогрессивных тенденциях в экономике, а лишь о прямой адресной накачке денег в регион в "тучные" 2000-е годы (за счет роста доходов нефтяного сектора) за счет активизации механизма прямого перераспределения средств, унаследованного от советского периода. Однако, как показывают результаты нашего анализа, в отличие от советского периода, эти средства были адресно востребованы в банковском, финансовом, инвестиционном секторах — для выхода на внешние рынки стран Азии. В результате по совокупности показателей индексов социально-экономического развития Бурятия постепенно стала догонять Сибирский федеральный округ и Россию, однако отставание все еще остается вследствие более глубокого спада в экономике в предыдущие годы, и достижения полной зависимости от поддержки из Центра в так называемый стабилизационный период.

Интегральные индексы

По интегральным оценкам уровня и качества жизни населения Бурятия относится к регионам, слабо адаптировавшимся к рыночным условиям, с неблагоприятной социальной средой. Республика остается аутсайдером как по индексу развития человеческого потенциала (69-е место из 80 в 2006 г.), так и по "кризисному" индексу качества жизни (78-е место из 88). Низкий

рейтинг по ИРЧП обусловлен как невысоким значением душевого ВРП Бурятии, так и плохими показателями по социальным компонентам, особенно по долголетию. Отставание по индексу качества жизни также высвечивает социально-экономические проблемы республики: безработица, относительно высокий уровень бедности, повышенная младенческая смертность и низкая ожидаемая продолжительность жизни. Аккумулируя разные проблемы Бурятии, не выглядящие столь острыми по отдельности, интегральные показатели наглядно демонстрируют их кумулятивный эффект. В 2006 г. соответствия низкого рейтинга Республики Бурятия на шкале развития и низкого рейтинга по ИРЧП указывает на стагнацию основных социально-экономических и демографических процессов в регионе, его слабую способность отвечать на вызовы глобализации.

В начале работы нами была поставлена задача проверки гипотезы о том, что низкий рейтинг региона Республики Бурятия на шкале развития может вызвать такое углубление кризиса, которое позволяет заинтересованным субъектам изменить вектор его траектории в направлении цикла развития. И в том, что в последние годы, начиная с 2002 года, траектория социально-экономического развития Республики Бурятия перешла из цикла стагнации в более перспективный цикл развития свидетельствовала положительная динамика показателей индексов социально-экономического развития. Однако, как показывают результаты нашего анализа, без привычной опеки и поддержки Центра эти отрасли будут обречены на депрессивное развитие, так как не был задействован главный фактор масштабных инноваций — человеческий потенциал территорий. Для освоения намечаемых глобальных макропроектов нет пока что ни кадров соответствующей специализации, которые за годы депрессивного развития успели выехать из РБ, ни соответствующей институциональной инфраструктуры, которая за годы перехода к рынку так и не была создана. И это будет в дальнейшем главным препятствием для попыток возвращения стремительно выезжавших в 90-2000-е годы квалифицированных кадров и повышения уровня модернизации региона. Для эффективного освоения территорий Забайкалья и Дальнего Востока — модернизации автомобильных и железных дорог, освоения удаленных месторождений, ввода новых производств, — нужен более высокий уровень развития производительных сил, который невозможно обеспечить без привлечения и закрепления кадров. Вновь, как и в прошлом периоде истории возникает замкнутый круг: освоение новых земель тормозится медленной модернизацией, которая в свою очередь сдерживается тем, что ресурсы государства уходят на экстенсивное развитие отдаленных территорий.

И здесь уже на примере трансформации национального региона в так называемый стабилизационный период, мы видим, что в результате действия унаследованных от прошлых этапов развития страны особенностей, отстающие регионы обречены на воспроизводство депрессивных отношений. Человеческий, социальный, культурный капитал, сформированный в течение всей истории трансформации природного и социально-экономического геополитического положения различных территорий РФ, оказал решающее влияние на выбор населением того или иного типа рабочих мест и хозяйственных практик. В качестве реакции на резкое ухудшение условий труда и жизни в 90-е годы население просто сократило свою воспроизводственную функцию и "проголосовало ногами" в пользу центральных территорий. Что, в конечном счете, и определило дифференциацию социально-экономического развития отдельных регионов России и особенности форм социально-экономической политики и методов ее регулирования, на что мы обращали внимание вначале. В настоящее время перейти к другому типу воспроизводства и привлечения населения в восточные территории России невозможно без коренного изменения механизма модернизации.

Наблюдаемые нами процессы позволяют сделать вывод о

невозможности проведения масштабных преобразований, основываясь только на экзогенно внедряемых сверху, глобальных инновациях, без учета действия внутренних факторов, унаследованных с прошлых этапов развития отдельных региональных сообществ. Ограниченность функциональных расчетов повлияла на выбор ошибочных, на наш взгляд, приоритетов в социально-экономической политике, что сказалось на результатах масштабных преобразований. Логика трансформации региональных сообществ раскрывает более сложную картину их трансформации, поэтому представления, сделанные на основе функциональных расчетов, становятся ограниченными и недостаточными для целей нашего анализа. Необходим учет всей сложности объекта управления, знание исторических, природных, социально-экономических и социокультурных особенностей развития регионов РФ, особенно в национальных приграничных территориях. И, как было рассмотрено нами ранее, взаимная адаптация параметров реформ и характеристик социально-экономической среды и качества человеческого потенциала региона, в котором они внедряются. Между тем в развиваемой федеральными органами политике по управлению социально-экономическим развитием территорий РФ сделан упор на внешние факторы их трансформации. Игнорирование действия социальных регуляторов хозяйственного развития регионов, сформированных в течение всего хода истории становления регионального пространства России, приводит, как мы все более убеждаемся, к непредсказуемым последствиям. И вновь, как и в предыдущие исторические периоды развития России, на повестке дня встают вопросы освоения огромной территории, воспроизводства и развития социума, обеспечения социальной защищенности его членов, то есть мер по привлечению и закреплению на территориях населения. Это стратегии хозяйственного поведения русских и других этносов России, складывающиеся в течение многих веков их эволюции, становятся особенно актуальными в настоящее время. Необходимо создание нового механизма, воспроизводящего эталоны хозяйственного поведения, проверенного опытом исторического и хозяйственного развития российского социума, и соответствующего потребностям его дальнейшего социально-экономического развития. Необходимо перезагрузка стратегий реформ и, возможно, уже на основе использования адаптационных моделей реформирования (реструктуризации) традиционных институтов (практик) хозяйствования используемых в предшествующие периоды трансформации региональных сообществ России. Как показывает опыт поступательного развития стран Азии, эти модели качественно лучше решают проблемы развития не только села, но и города, в смысле продовольственной безопасности, стабилизации миграционных потоков, воспроизводства человеческого потенциала и создания среды для устойчивого инновационного развития социума.

Литература

1. Более полно проблемы социокультурной трансформации Бурятии, России и других стран и рассмотрены в книге Г.В. Манзановой "Традиции и новации. Опыт сравнительного анализа аграрных сообществ Бурятии, России и других стран". Улан-Удэ: Бурятский Научный Центр СО РАН, 2011.
2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции "Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов". М.: Ин-т философии РАН, 2006.
3. Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005.